российский фонд помощи/www.rusfond.ru

Лев Амбиндер,
РУКОВОДИТЕЛЬ
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Помоги дающему

Сегодняшний выпуск Российского фонда помощи (РФП) в „Ъ“ — сотый по счету. Сто газетных страниц подготовил фонд, первая была опубликована в „Ъ“ десять лет назад. Так что есть повод остановиться, оглянуться, а заодно и подумать, куда идти дальше. Тем более что в последнее время в третьем секторе (некоммерческие организации — НКО) много разговоров о «новой» филантропии — в противовес, стало быть, старой, и как это у нас часто случается, самими определениями критики расставляют оценки. «Новая», понятное дело, означает передовая, которой только и стоит заниматься. Ну, а старая — это, конечно, полный отстой и никакого будущего.

● *Первая страница фонда в „Ъ“ появилась 11 декабря 1997 года и сразу стала популярной у читателей. С тех пор РФП публикует письма с просьбами о финансовой помощи, и читатели напрямую помогают их авторам. Сначала страница издавалась по четыре-шесть раз в год, а затем ежемесячно. С лета 2006 года выходит дважды в месяц. С 2001 года РФП издает сайт www.rusfond.ru. Тысячи читателей „Ъ“ и сотни компаний являются членами этого необычного клуба, объемы пожертвований ежегодно нарастают. Всего собрано свыше $17,7 млн, в том числе в 2006 году — $4,7 млн. За восемь месяцев этого года сборы уже составили $3,7 млн.*

Теперь ежемесячно фонд в газете и на сайте публикует 34 письма с просьбами о помощи. В большинстве это просьбы оплатить лечение тяжелобольных детей, реже — обращения инвалидов, многодетных и приемных семей, детдомов и детских больниц. Читатели своими откликами сами задают фонду темы публикаций. В конце 90-х — начале 2000-х годов мы немало поэкспериментировали, печатая письма на различные темы. Нам было из чего выбирать, у РФП весьма обильная почта. Все эти годы мы хорошо сознаем, что это вы, читатели, помогаете, а фонд лишь обеспечивает честные адресные вложения пожертвований. То есть РФП — это фонд помощи читателям, и «помоги дающему» — его главный принцип. Еще мы сознаем, что всем авторам писем не помочь. Поэтому публикации заслуживают только просьбы, вызывающие отклики. И вот те просьбы, что размещены на сегодняшней странице,— это и есть ваш выбор, дорогие друзья.

У такой концепции отбора как минимум два крупных последствия. Первое — позитивное: откликов зачастую даже больше, чем просят авторы писем. Поэтому сейчас в месяц помощь получают до 50 человек. Внедрив схему 1–1–1 (один диагноз — одна клиника — одна бухгалтерия), РФП научился вкладывать «излишки» пожертвований в лечение других очередников фонда и печатно отчитываться об этих тратах. (Мы постоянно совершенствуем отчетность и были бы признательны заинтересованным читателям за критику и предложения.) Во многом схема 1–1–1 и обуславливает ежегодный рост числа жертвователей, сборов и пролеченных детей.

Однако, ограничив публикации конкретными темами, диагнозами и клиниками-партнерами, мы вызвали значительное сокращение тематики почты РФП. Таково второе и, по-моему, негативное последствие. Зная, где распространяются тиражи „Ъ“, я плохо представляю себе, как, каким образом авторы писем из малых городов, поселков и деревень узнают о темах наших публикаций. А именно эти люди и являются объектами помощи читателей все годы существования фонда. Но это факт: при росте числа просьб по востребованным темам сама тематика почты значительно сузилась. Жаль, конечно, потому что всегда остается боязнь упустить что-то важное.

Как раз сейчас в российском третьем секторе разворачивается очередная дискуссия, на этот раз о старой и «новой» филантропии. Старую, понятно, критикуют, а за переход к «новой» агитируют. Если коротко, то к старой филантропии критики относят пожертвования, с помощью которых решаются частные проблемы частных людей или даже учреждений и за которыми со стороны жертвователей не следует никаких действий. Вложат, значит, деньги, в частную судьбу соотечественника, дождутся отчета о произведенных тратах и отдыхают себе по месту основной работы. До следующего, значит, пожертвования. «Новую» же филантропию якобы отличают вложения непременно в социально значимые программы, способные системно влиять на изменение нашей жизни к лучшему. И что якобы особенно важно, «новые» филантропы сами активно участвуют в преобразованиях, перенося в благотворительную деятельность лучшие традиции организации эффективного бизнеса.

Нам в фонд реформаторы тоже уже отзвонились, и даже не раз. Так прямо и говорят: «Может, стоит наконец передать государству оплату лечения детей, а пожертвования читателей сосредоточить на решении социально значимых проблем?»

Каково? Наверное, не надо обращать внимания на то, как эти ребята присваивают себе право распоряжаться чужими деньгами. Такова наша ментальность, тут уж ничего не поделать. Но забавно, что это сами критики слово «новая» забирают в кавычки. По-видимому, еще не окончательно определились, что и кого считать передовыми подходами и новаторами и даже вообще стоит ли противопоставлять. Вот с нами и со спасением тяжелобольных детей наши критики, похоже, уже разобрались. Сейчас выяснят, куда зачислить американского Генри Форда и нашего Савву Морозова с их помощью конкретным беднякам, с их народными больницами и ремесленными училищами — в старые или «новые» филантропы,— и тогда, может, успокоятся.

Однако, слушая эти разговоры, я вспоминаю о сокращении тематики нашей почты, и становится тревожно. Да, реформаторы от НКО сами никаких социально значимых проектов не предлагают. Но это вовсе не значит, что таких проектов не существует. И уж тем более это не значит, что нашим читателям они заранее неинтересны.

Так что предлагайте, друзья, новые темы. Российский фонд помощи открыт для обсуждений.

Нельзя бояться

Ренату Конофееву нужна трансплантация костного мозга

Ренат Конофеев болен гемофагоцитарным лимфогистиоцитозом. Это одна из сложнейших форм рака. На свете нет лекарства, которое лечило бы от этой болезни. Помочь может только пересадка костного мозга от здорового и чужого человека, потому что среди родни малыша подходящего донора не нашлось. Поиск донора в европейском регистре, в Германии, обойдется в €15 тыс. И сделать это надо как можно быстрее, потому что болезнь развивается.

Мальчику восемь месяцев. Он сидит на кровати в Удмуртской детской клинической больнице в Ижевске, вопросительно улыбается то мне, то маме своей Анжеле, одной рукой тащит в рот мой карандаш, а другой тянется за моей тетрадкой.

— Вот какие мы сейчас веселые,— рассказывает Анжела.— А весной после химии 12 дней пролежали в реанимации на искусственной вентиляции легких. Когда его мне вернули, он даже сосать не мог, только язычок высовывал, как котенок. И я на язычок молоко капала.

Здешний доктор Сергей Дунаев говорил мне про Анжелу, что она боится любого лечения, боится новых осложнений, боится жизненно необходимой для ее сына пересадки костного мозга. Это доктор Дунаев вовремя поставил диагноз Ренату. Это благодаря ему Ренат сейчас улыбается и тянет в рот карандаш. И, насколько я понимаю, доктор рассчитывает на меня. Я должна объяснить Анжеле, что бояться нельзя, что страх смертельно опасен.

Мы укладываем Рената и идем в больничную столовую читать в моем ноутбуке историю Алины и Сережи Тропиных. Потому что это точно такая же история.

Когда родилась и заболела лимфогистиоцитозом Алина, пересадку костного мозга от неродственного донора в России еще не делали. Алине Тропиной тоже проводили химиотерапию. Это помогало, но ненадолго. Потом девочка перестала ходить, потом потеряла слух, потом у нее случился инсульт. Алина умерла на руках у мамы.

А потом Тропины решились родить Сережу. И Сережа тоже заболел лимфогистиоцитозом. Но врачи к тому времени уже научились делать неродственные трансплантации. И на деньги читателей Российского фонда помощи Сереже Тропину нашли в Германии донора костного мозга, сделали пересадку. И Сережа выздоровел и живет себе с папой и мамой.

Анжела читает слова мамы Алины и Сережи Тропиных: «Мамы больных детей очень несчастны. Мы лишены обычной жизни, лишены возможности провожать ребенка в садик и совершать рутинные поступки, которые как раз и составляют счастье человека. А с другой стороны, мы счастливее многих. В чем наше счастье? А в том, что ребенок рядом. Бегает, играет и обнимает маму».

— А может, не надо пересадку? Я читала, это опасно,— вдруг спрашивает меня Анжела.

От неожиданности я молчу. Мальчику нужна пересадка костного мозга, ее готовы выполнить московские врачи в Российской детской клинической больнице (РДКБ). Но пока донора нет, и врачи поддерживают Рената в Ижевске. Блоки химиотерапии, которыми врачи подавляют его лимфогистиоцитоз, следуют один за другим, и каждый следующий блок может оказаться напрасным. Болезнь может выйти из-под контроля. Тогда случится обострение и Ренат умрет. Я молчу. Мальчику нужна пересадка. Всего неделю назад Анжела сама обратилась в Российский фонд помощи с просьбой помочь собрать деньги на донора. Пересадка — это, конечно, опасно. И чужой костный мозг может не прижиться. Могут, наконец, случиться смертельные инфекции. Но без пересадки Ренат точно погибнет.

Я молчу. В ответ на мое молчание Анжела плачет.

— Вы думаете, я против пересадки? Я просто не знаю, как жить, если потеряю Рената,— говорит она мне.

Анжела уже теряла детей. Ее первая беременность закончилась выкидышем. Потом родилась девочка. В возрасте двух месяцев у девочки поднялась температура, вздулся живот, и она стала белая как бумага. Девочка умерла, ей было всего 2 месяца и 28 дней. Диагноз так толком и не поставили. В справке о смерти написали «печеночная недостаточность».

© ЮРИЙ КАСИМОВ

Анжела уже теряла детей. Ее первый ребенок, девочка, умер, прожив 2 месяца и 28 дней. Диагноз так толком и не поставили. И вот теперь болен Ренат. На этот раз врачи знают, что делать.

И вот теперь болен Ренат. Он родился 12 января 2007 года, а уже 8 марта у него поднялась температура, потом вздулся живот, и Ренат стал весь белый как бумага. На этот раз ижевские врачи поставили точный диагноз: «гемофагоцитарный лимфогистиоцитоз».

Анжела тогда даже не сразу испугалась, потому что не поняла, что это значит. А значило это, что иммунитет Рената дал сбой и стал разрушать печень. Ренат чуть не умер от печеночной недостаточности. Но ему вовремя сделали химиотерапию, и печень больше не разрушается.

Анжела шмыгает носом. У нее опять краснеют глаза. Я бросаюсь расспрашивать ее про работу, про мужа, который ушел, стоило Ренату заболеть. До рождения Рената Анжела работала продавцом в продуктовом магазине. А сейчас все доходы в семье — пенсия по инвалидности да пособие на ребенка. Я говорю ей, что, может быть, муж еще вернется и дома все наладится.

— Да не нужно мне ничего этого,— обрывает меня Анжела. — В чем наше счастье? Важнее детей ничего в жизни нет.

Она берет мой ноутбук и вновь читает историю Алины и Сережи Тропиных.

Екатерина Чистякова

КАК ПОМОЧЬ **ЧТОБЫ СПАСТИ ВОСЬМИМЕСЯЧНОГО РЕНАТА КОНОФЕЕВА, НЕ ХВАТАЕТ 759 ТЫС. РУБ.**

Заведующий отделением общей гематологии РДКБ Михаил Масчан считает, что ижевские врачи очень своевременно и точно поставили диагноз Ренату: «Его вовремя стали лечить химиотерапией, именно поэтому он избежал судьбы своей сестры». По мнению доктора Масчана, сейчас мальчик «в ремиссии и чувствует себя неплохо». Поддерживающее лечение действительно лучше проводить в больнице родного города, где есть родственники и друзья. Правда, сегодняшнее улучшение состояния Рената временное: «Неизвестно, сколько продлится ремиссия. Но трагическое развитие болезни неизбежно».

Поэтому вопроса о том, надо или нет делать пересадку ребенку с таким диагнозом, на рациональном уровне не существует. Если при других болезнях можно взвешивать шансы и думать о рисках трансплантации, то при лимфогистиоцитозе такого выбора нет. «Только пересадка! — сказал Михаил Масчан.— И при наличии донорского костного мозга трансплантация Ренату будет гарантированно выполнена в самые ближайшие сроки».

Поиск донора в немецком Фонде Морша обойдется в €15 тыс. Он, кстати, уже начат под гарантии Российского фонда помощи. Перед трансплантацией и после нее Ренату надо принимать противогрибковые лекарства кансидас и вифенд, которые родители приобретают сами. Эти препараты обойдутся еще в €14 тыс. То есть необходимо найти 1 млн 15 тыс. руб.

Как обычно, наш постоянный партнер инвестиционная группа «Капиталъ» внесет $10 тыс. Не хватает еще 759 тыс. руб. Пожертвования в европейской валюте можно отправить напрямую в Фонд Морша, а в рублях — на сберкнижку мамы Рената Анжелы Владимировны Конофеевой. Все необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Майя Сергеева, 4 года, детский церебральный паралич, спастика, спасет курсовое лечение. 134 600 руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 42 500 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 92 100 руб.

Я увлеклась подводным плаванием и, окончив университет, поехала в Египет поработать дайвером. А там — как в кино: романтика, любовь, обещанная свадьба и крушение надежд. Отцовство не оформляла: как бы не забрали девочку в Египет. Майя родилась шестимесячной, туго обвитой пуповиной. Я рожаю, а врачи приговаривают: все равно не выживет! Но моя девочка оказалась очень сильной. Лишь в два года мне сказали, что у нее ДЦП. С помощью одного доброго человека Майю лечили в Трускавце. К сожалению, он больше не может нам помогать. Живем на пенсию, пособие в 138 руб. и 1 тыс. руб. дают родители-пенсионеры. Мы несколько часов в день делаем упражнения и много достигли! Нам осталось совсем чуть-чуть до победы. Очень надеемся на Институт медтехнологий (ИМТ). Помогите нам! *Ольга Сергеева, Карелия.*

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Внутриутробная инфекция поразила нервную систему, у Майи сильная спастика ног. Мы с этим справимся, девочка будет ходить».

Саша Огнев, 24 года, синдром Марфана, сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 185 384 руб.
Внимание! Русь-банк внес 90 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 95 384 руб.

Росфонд помогает детям, и все же я пишу вам с надеждой. Просто больше рассчитывать не на кого. В больнице маме всегда говорили, что мой сколиоз не вылечить, а оперировать его нельзя было из-за порока сердца. И по сердцу я тоже считался неоперабельным. Но наука не стоит на месте. Три года назад мне протезировали аорту и заменили сердечный клапан. Год назад мой сколиоз осмотрел профессор Михайловский и запросил заключение кардиологов. И вот есть их разрешение на операцию! Но нет денег. Мама долгие годы мыла посуду хлоркой в больнице и заработала аллергическую астму, теперь тоже инвалид. Живем вдвоем в домике, комната да кухня, копаемся на огороде, держим кур. Я окончил компьютерные курсы (у нас в поселке, кроме ПТУ и этих курсов, ничего нет). Очень хочу закончить вуз и нормально работать, а не загибаться на пенсию. Помогите! *Саша Огнев, Новосибирская область.*

Заведующий клиникой Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Парень никогда не лечился от сколиоза, вот и вырос огромный горб, причиняющий физические и моральные страдания. Операция обязательно поможет, если не откладывать».

Максим Емелин, 12 лет, рецидивирующий артроз височно-челюстного сустава, необходимо лечение. 125 тыс. руб.
Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло $1250 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 93 125 руб.

У меня сын и дочка, их отцу мы не нужны. Вместе с сестрой я открыла палатку на рынке, зарабатываю там 7 тыс. руб. в месяц. Еще 4 тыс. руб. выходит за подшивку штор, на них оплачиваю аренду квартиры. Наташа во втором классе, здорова. А с Максимкой мучение. Родила его в 18 лет. Ребенка просто выдавили. Выписали как здорового, хотя сосать не мог. До года кормила через соску. И только в семь лет стоматолог сказала, что у ребенка застарелый перелом челюсти. Три года назад в Самаре сделали операцию, но рот открывается максимум на 1,5 см. Максим за всю жизнь ни одного «чупа-чупса» не съел, не помещается. И вообще, с питанием беда, жевать трудно, стесняется есть при посторонних. Ложку боком в рот сует и закидывает. Челюсть иногда немеет. Хотя говорит сын хорошо, занимается в секции самбо и дзюдо. Профессор Рогинский обещает восстановить челюсть, но лечение для нас дорогое. Прошу у вас помощи. *Татьяна Емелина, Самарская область.*

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Максиму необходима операция для формирования нового височно-нижнечелюстного сустава. А через пять лет выполним контурную пластику для устранения асимметрии».

Юля Литневская, 3 года, акушерский паралич левой руки, необходима срочная операция. 196 тыс. руб.
Внимание! Удалось собрать 98 тыс. руб. Не хватает 98 тыс. руб.

Мне отказались делать кесарево сечение, а дочка была 57 см и весом 4,2 кг. Я пять часов мучилась в родовой. Когда у малышки остановилось сердце, ее резко выдернули. Юля не дышала. Мне ее показали лишь на третьи сутки. Это был кошмар: повреждена центральная нервная система и шейный отдел, сломана ключица, почти оторвана левая ручка. Сначала мне сказали, что операция не нужна, все и так обойдется, а потом заявляли, что таких больных у нас не лечат. И вот недавно, спустя три года, я из „Ъ“ узнала, что таких деток оперируют в Ярославле! Кинулась туда. Сейчас левая рука у Юли уже на 3 см короче правой и малоподвижна. Юля не может ею пользоваться. Но если немедля оперировать, вернется подвижность и рука начнет расти. Только денег на операцию нет. Мы с мужем зарабатываем в месяц 15 тыс. руб. Живем у родителей-пенсионеров. Не знаю, на кого рассчитывать. Ради бога, помогите! *Виктория Литневская, Тверская область.*

Заместитель главного врача больницы имени Соловьева Юрий Филимендиков (Ярославль): «Без операции к десяти годам плечевой пояс полностью атрофируется и Юля вырастет нетрудоспособной. Сейчас еще можно хирургически восстановить руку на 80%, а может, и больше».

Аня Турутина, 2 года, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 186 600 руб.
Внимание! Компания «Транстелеком» внесла $2500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 122 850 руб.

Мы молодая семья. Я год поработала кассиром в магазине и ушла в декрет. Анечка родилась без патологий. Ходить начала рано, в восемь месяцев. Любит книжки и не рвет их, знает четыре буквы. Она такая кроха, а уже помогает мне по дому: протирает пыль, вытирает посуду. Очень любит танцевать. Но с нашим диагнозом не разрешают. В три месяца педиатр услышала шум в ее сердечке. Выяснилось, открыт артериальный проток, без операции он не закроется и Анечка станет инвалидом. Операция платная, и нам никогда не собрать денег на нее. Муж монтажник в строительной фирме за 8 тыс. руб. Мы не дотягиваем даже до прожиточного минимума, ведь у меня сейчас ни декретных, ни пособий. Вчетвером живем в однокомнатной квартире свекрови. Очень прошу, помогите. *Олеся Турутина, Омская область.*

Ведущий специалист Томского НИИ кардиологии РАМН Сергей Иванов: «Диаметр протока позволяет закрыть его эндоваскулярным методом и обойтись без травматичной операции на открытом сердце. Через неделю Аня будет дома, и забудется, что порок сердца угрожал ее здоровью и жизни».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Mercedes для многодетной семьи

Теперь Вике Амановой, пятилетней девочке из Рязанской области, гарантирована кохлеарная имплантация. Это операция по возвращению слуха при помощи импланта, который стоит 980 тыс. руб. Читатели „Ъ“ собрали эти деньги после публикации истории Вики 20 августа. Девочку оперируют в Российском научно-практическом центре аудиологии и слухопротезирования (Москва).

Отличная новость: 1 сентября в московском детдоме № 19 певица Земфира Рамазанова с друзьями-музыкантами устроила праздник для семьи Бармотиных. В этом семействе шестеро приемных детей в возрасте от двух до одиннадцати лет. Музыканты передали в дар Бармотиным микроавтобус Mercedes на дюжину пассажиров. Было весело и уютно, музыканты даже немного попели. А история дара такова. С месяц назад Земфира и ее друзья обратились в Российский фонд помощи с просьбой подобрать приемную семью и с предложением сделать этой семье подарок на выручку от концерта «Школьный вальс». Семью мы подобрали, концерт состоялся 30 августа и удался, а вся выручка, как и обещано, пошла на покупку Mercedes. О такой машине для поездок по Москве и за город Бармотины и мечтали. И о других новостях.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Сереже Варфоломееву (1 год, 186 600 руб.), Никите Махову (6 лет, 186 600 руб.), Лизе Бажановой (10 лет, 186 600 руб.), Маше Громовой (7 лет, 186 600 руб.), Милене Минихазиевой (7 месяцев, 191 196 руб.), Владе Кузнецовой (4 года, 133 600 руб.), Юле Швецовой (1 год, 191 196 руб.), Диме Хлопкову (2 года, 191 196 руб.), Саше Фалалееву (3 года, 191 196 руб.) из Удмуртии, Данилу Зиновьеву (6 лет, 133 600 руб.), Степе Шалютe (6 лет, 133 600 руб.), а также Никите Гаршину (8 месяцев, 191 196 руб.) и Игорю Лиморенко (10 лет, 191 196 руб.) из Алтайского края, Фаине Мамедкулиевой (13 лет, 191 196 руб., Еврейская АО); операции по поводу сколиоза Марии Баженовой (17 лет, 185 384 руб., Удмуртия), Марине Фадеевой (17 лет, 185 384 руб., Алтайский край), Наташе Тимченко (16 лет, 185 384 руб., Читинская обл.); лечение детского церебрального паралича Соне Мысиной (3 года, 134 600 руб., Смоленская обл.), Василине Тиуновой (3 года, 156 тыс. руб.), Лизе Зуевой (3,5 года, 156 тыс. руб.) и Андрею Харину (7 лет, 156 тыс. руб.) из Пермской обл., Саше Яшину (2 года, 150 400 руб., Бурятия), Кристине Головко (1 год, 150 400 руб.), Насте Тропиной (3 года, 150 400 руб.), Оле Алиевой (2 года, 134 600 руб.) и Максиму Корниенко (4 года, 150 400 руб.) из Краснодарского края, Али Магарамову (3 года, 150 400 руб., Ставропольский край), Вере Локтиной (14 лет, 150 400 руб., Московская обл.), Владику Козлову (5 лет, 150 400 руб., Мурманская обл.), Антону Дугадко (12 лет, 156 тыс. руб.), Леве Кукарцеву (3 года, 156 тыс. руб.) и Косте Бабкину (16 лет, 150 400 руб.) из Свердловской обл.; челюстно-лицевые операции Нани Питиуришвили (5 лет, 100 тыс. руб., Красноярский край), Эмилю Алиеву (6 лет, 75 тыс. руб., Тюменская обл.), Марьям Гасановой (17 лет, 120 тыс. руб., Дагестан).

Отправлено: 196 тыс. руб. на микрохирургическую операцию Илье Палкину (3 года, Ярославская обл.), 140 тыс. руб. на проведение пяти курсов химиотерапии Андрею Кодолову (15 лет, Калининградская обл.).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям (оба — США), ЗАО БЭСКИТ, Виктория от руководителя, Александр (все — Санкт-Петербург), консалтинговая компания IC&M, благотворительный фонд Русской медной компании, Илья, Людмила (все — Новосибирск), группа компаний КОНТИ (Калининград), Седов (Екатеринбург), Сергей (Н. Новгород), ЗАО «Тольяттиазот», президент корпорации Владимир Николаевич Махлай (Тольятти), Илья (Пермь), Станислав Емельянов (Челябинск), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО «Компания „Транстелеком“», ЗАО «АКБ „Русь-банк“», фирма «Мейджор-Авто», фонд «Созидание», ООО «Пальмер ТЭК», ООО «База резерв», ТПГ «Кунцево», ООО «Компания „Профессиональный правовой консалтинг“», благотворительный фонд «Джойнт», Эрика и Григорий Шалвович, Герман, Темкин Марк Анатольевич, Маша от руководителя, Елена от руководителя, Тамара от руководителя, Маркус, wasko@, два Николая, две Елены, Инна, Роман, Анна и ее друг, Виталий, Жанна и Валерий, два Алексея, Кирилл, две Екатерины, Елена, Игорь, Надежда, Павел, Гаянэ, Мария и коллектив, Марина, Наталья, Земцов Владимир, два Дмитрия, Ольга, Яков, Рустам, два Сергея, Ираида, два Александра, ludva2001@, Александр Георгиевич, Юля, Наталья, Сергей и т. Таня, две Ирины, Светлана, Индира, Аля, два Андрея, Анастасия, Светлана Витальевна, Юля, Константин, Олег, Анна, Евгения, Константин Царев, Алла, Денис, Лариса, Владислав Анатольевич, tai_ma@, Андрей Осташкин, Татьяна, Любовь, В. Новиков, Игорь Сергеевич, Артур, Вероника, София, Иван, Владимир, семья Липатовых, Ева и Михаил, Равиль, Эльвира, oval@, Ольга Воронцова, Лабутины Галина, Глеб и дочка Настя, Юлия и Алексей, Василий Федорович, Надежда и Ольга (все — Москва). Спасибо!

Лев Амбиндер,
руководитель
Российского фонда
помощи

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $17,7 млн. В 2007 году (на 6 сентября) собрано 91 752 350 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: 8-499-943-91-35, 8-499-158-69-04 с 10.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».